

А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ К КОНФИДЕНЦИАЛЬНОМУ СОДЕЙСТВИЮ СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ
И ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ОФИЦИАЛЬНО ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ:
ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ**

В статье рассматриваются проблемы привлечения к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений сквозь призму целей и задач оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, содействие, сотрудничество, священнослужитель, тайна исповеди, религиозное объединение, ограничения, запреты.

A. I. Tambovtsev, Pavlichenko N. V.

**ENGAGING CHURCHMEN AND AUTHORIZED REPRESENTATIVES
OF OFICIALLY REGISTERED RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN CONFIDENTIAL INTERACTION:
RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS**

The article is devoted to the problems of engaging churchmen and authorized representatives of officially registered religious associations in confidential interaction in the context of goals and tasks of operational search activities.

Keywords: operational search activities, interaction, cooperation, churchman, seal of confession, religious association, restrictions, prohibitions.

Основой оперативно-разыскной деятельности по праву считается работа с конфиденциантами. Успешно осуществляемое на протяжении всей истории правоохранительных служб России негласное получение информации приобрело легитимный статус лишь с вступлением в силу Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон об ОРД в РФ) в 1992 г., который впервые предоставил субъектам оперативно-разыскной деятельности возможность использовать содействие граждан, в том числе конфиденциальное.

Нормативные предпосылки конфиденциального содействия нашли свое воплощение и развитие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), принятом в 1995 г. В то же время Закон об ОРД установил некоторые ограничения на привлечение отдельных категорий лиц — депутатов, судей,

прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. К сожалению, текст закона не содержит пояснения оснований, которыми руководствовались при этом законодатели. Ввиду этого понимание исследователями и правоприменителями причин таких запретов может основываться на комплексном анализе отдельных положений иных нормативных правовых актов, регламентирующих юридические статусы, полномочия, привилегии, иммунитеты рассматриваемых категорий лиц. Таковыми, на наш взгляд, являются: ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации», ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ФЗ «О свободе совести и

религиозных объединениях», ФЗ «О персональных данных», ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и др. Кроме вышеперечисленного необходимо расценивать как основания для подобных ограничений корпоративные профессионально-этические принципы некоторых видов социально-полезной деятельности, к которым следует отнести положения Кодекса адвокатской этики, религиозные каноны и т. п.

Комплексное изучение указанных предписаний, анализ научных подходов к рассматриваемой проблематике и точек зрения действующих сотрудников оперативных подразделений оперативно-разыскных органов позволяют выдвинуть следующие объяснения подобного ограничительного подхода законодателя. Во-первых, невозможность (законодательный запрет) для некоторых из упомянутых категорий служащих совмещать основную работу с иными видами доходной деятельности за исключением научной, преподавательской и творческой. Во-вторых, наличие у отдельных обсуждаемых категорий лиц сведений, являющихся профессиональной тайной — государственной, служебной, адвокатской, тайной исповеди, которую они не должны разглашать. В-третьих, наличие противоречий между профессиональными установками (требованиями, обязательствами) потенциального конфиденанта и условиями контракта. В-четвертых, наличие у некоторых из данных категорий лиц широких властных, распорядительных полномочий, которые не должны быть использованы в интересах (даже правомерных) оперативного подразделения или его сотрудника. В-пятых, обеспечение независимости таких лиц (например, судей, прокуроров) при принятии ими процессуальных решений, вынесении правовых оценок.

Применительно к изучаемой нами категории (священнослужители, полномочные представители официально зарегистрированных религиозных объединений) безусловно, используется вторая группа обоснования запретов и ограничений — наличие у обсуждаемых категорий лиц сведений, являющихся тайной исповеди. И это абсолютно оправданно в связи с тем, что тайна исповеди — это гарантия неприкосновенности личной жизни верующих [1], данный вид тайны во многом обеспечивает сохранение духа и традиций

религий, оказывающих существенное влияние на становление и развитие целых наций [2, с. 14].

В то же время современному состоянию религиозно-культурной и социально-духовной жизни общества свойственны следующие дестабилизирующие факторы: массовое распространение на территории России несвойственных нашей культуре радикальных религиозных объединений и деструктивных сект, нередко спонсируемых из-за рубежа; настойчивые попытки легального проникновения представителей духовенства в государственную и региональную политику, экономические сферы, армию и силовые структуры, образование, массовую культуру; масштабное насаждение экстремистской идеологии, нетерпимости к иноверию или безбожию, пропаганда среди подростков, молодежи, сотрудников правоохранительных и военнизированных структур; использование духовенством противоправных (преступных) методов борьбы за внутрирелигиозные должности, ресурсы, финансы и власть [3].

Вышеизложенное наглядно свидетельствует о возрастающей необходимости обоюдывыгодного сотрудничества оперативно-разыскных органов с религиозными объединениями, а также получения оперативно значимой информации о возможной противоправной активности участников религиозных организаций и объединений и иных лиц.

Насколько же согласуются вышеуказанные запросы общества на взаимовыгодное сотрудничество его равноправных в целом институтов

с легитимными ограничениями такого взаимодействия, введенными самим обществом?

Тайна исповеди находится под охраной государства. Так, согласно нормативным предписаниям *священнослужитель* не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди (п. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»), а также не может быть допрошен

в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Полагаем, что именно охрана тайны исповеди является основанием в отказе контрактной формы

привлечения к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. Вместе с тем запрет контрактной формы конфиденциального содействия перечисленных выше лиц однозначно трактуется современными исследователями [5], а также большинством практических оперативных работников (78 % респондентов) как фактическое разрешение на установление с ними безконтрактных форм конфиденциального содействия. По их мнению, обозначенный выше запрет не означает, что священнослужитель не может быть источником оперативной информации, ее сохранение или выдача — вопрос его совести [1]. Так ли это на самом деле?

Нам представляется, что если законодатель защищает исключительно тайну исповеди, то не имеет значения заключен ли со священнослужителем или полномочным представителем официально зарегистрированного религиозного объединения контракт или нет, так как информационное поле, иными словами, предмет конфиденциального содействия, не подлежит разглашению. В рассматриваемом случае ценность представляет информация, содержащая сведения о прегрешениях исповедующегося, которые в генезисе его поведения могут быть рассмотрены как преступления, а не статус конфидендента.

Именно по этой причине священнослужитель не может и не должен являться допустимым источником информации о прегрешениях исповедующегося при проведении оперативно-разыскных мероприятий вне зависимости от того, заключен с ним контракт или нет. По этой же причине собирание информации о содержании исповеди недопустимо в рамках решения задач оперативно-разыскной деятельности, несмотря на то, что в ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД подобного запрета не содержится.

Если же выйти за пределы тайны исповеди, то конфиденциальное содействие священнослужителя или полномочного представителя официально зарегистрированного религиозного объединения можно рассматривать в аспектах осуществления целей защиты жизни, здоровья,

прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, а помощь священнослужителя допустима в различных формах (гласно и негласно, по контракту и без него). Так, священник, исповедующий прихожан и имеющий определенную информацию об их частной жизни, не может и не должен информировать об этом оперативного работника (или кого-либо). Это было бы нарушением его профессионально-этических норм. Однако выполнение ряда вспомогательных, обеспечивающих функций, связанных, например, с осуществлением опосредованной связи и передачей информации, полученной иными источниками, представляется вполне допустимым и не создающим внутренний конфликт лица с его профессиональными установками и принципами. В связи с этим уместен вывод о том, что использование представителей религиозных конфессий, обладающих широкими возможностями общения с прихожанами, в качестве посредника между оперативным сотрудником и его конфидендами было бы наиболее целесообразным и тактически грамотным вариантом использования конфиденциального содействия данной категории лиц.

Что же касается морально-этических и психологических моментов подобного взаимодействия, то их, вероятно, следует рассматривать с двуединой позиции: насколько это допустимо профессиональными нормами (в рассматриваемом случае — церковными канонами) и внутренними моральными установками конфидендента.

Одним из основных аргументов при комментировании запрета на конфиденциальное содействие данной категории лиц по контракту является наличие у них информации «профессионального характера», которую они не могут разглашать в силу профессионально-этических норм [6]. Но если законом разрешено содействие без контракта, значит законодатель оставил без внимания морально-этический аспект содействия и предоставил право принятия решения о передаче информации лицу, обладающему такой информацией. В итоге моральный выбор о возможности содействия делает носитель информации по своему внутреннему убеждению.

Если при этом он внутренне готов осознанно нарушить либо обойти профессионально-этические нормы (не совершая тем самым противоправных деяний), то его принадлежность к религиозной организации не должна быть препятствием для оперативного сотрудника к привлечению данного лица к конфиденциальному содействию.

Дальнейший анализ ст. 17 Закона об ОРД ставит перед исследователями новые вопросы. В частности, можно ли рассматривать религиозное объединение как разновидность общественного объединения и использовать положения ст. 10 ФЗ «О полиции», касающиеся взаимодействия с общественными объединениями, по аналогии?

Так, ст. 5 ФЗ «Об общественных объединениях» определяет общественное объединение как «добровольное некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей...» [7]. Статья 6 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит, что «...религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного вероисповедания и распространения веры...» [8]. Именно специфичность целей и связанные с этим особенности большинства возникающих в сфере вероисповедания правоотношений обусловили появление рассматриваемого закона.

Можно сделать закономерный вывод о том, что религиозное объединение является разновидностью общественного объединения со специфической целью — «вероисповедание и распространение веры», и значит закон может быть применен по аналогии. Однако при этом возникает коллизия в толковании чч. 2 и 3 ст. 17 Закона об ОРД. Часть 2 ст. 17 указанного закона гласит о том, что органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, могут заключать контракты с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям,

отношения к религии и политическим убеждениям. Полагая, что религиозная организация представляет собой общественное объединение, данное положение можно рассматривать как разрешающее заключать контракты с лицами независимо от их принадлежности к религиозным обществам. Однако это противоречит ч. 3 ст. 17, запрещающей использовать конфиденциальное содействие по контракту священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений.

Говоря о специфике оперативной работы с данной категорией лиц, нельзя не упомянуть о некоторых ее особенностях, вытекающих из толкования терминов, используемых в ст. 17 Закона об ОРД. Законодатель запрещает использование конфиденциального содействия по контракту священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений, но при этом не дает четкого и однозначного юридического толкования терминов «священнослужитель» и «полномочный представитель официально зарегистрированного религиозного объединения». Не содержится толкования этих терминов и в ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», к которому они имеют прямое отношение. Анализ комментариев Закона об ОРД свидетельствует о том, что ученые, комментировавшие этот закон, также оставили без внимания трактовку сущности вышеуказанных терминов [9]. Таким образом, в настоящее время данный закон, обладающий высшей юридической силой и обуславливающий положения ведомственных приказов и инструкций, содержит термины, не имеющие единого, общепризнанного понимания. Это может привести, с одной стороны, к нарушению законности, а с другой — к необоснованному сужению круга лиц, привлекаемых к содействию.

Священнослужителями и полномочными представителями религиозных объединений может быть признана достаточно большая и неоднородная группа лиц, прямо или косвенно вовлеченных в культовую деятельность. Кто же из них объективно может быть причислен к священнослужителям и полномочным представителям и обладать этим статусом легитимно? Мировоззрения, структура, иерархия и принципы деятельности ныне существующих

религиозных конфессий разнообразны, нередко противоположны, а порой и взаимоисключающи. Законодатель же должен использовать в законотворчестве понятийный аппарат, равно применимый к представителю, ритуалу или атрибуту любой конфессии и исключающий их неоднозначное противоречивое толкование. Согласно современным этимологическим воззрениям термин «священнослужитель» происходит от понятия «посвящение» (рукоположение, хиротония) в духовный сан и означает духовную особу, наделенную правом совершать богослужения, обряды и таинства. Данный термин применим к религиозным деятелям лишь нескольких конфессий и истолковывается как «служитель религиозного культа в православных и католических церквях, возведенный в духовный сан и имеющий право самостоятельно совершать богослужения, обряды и таинства» [10, с. 399]. Иные религии и вероисповедания просто не имеют таких понятий, как «священство» и «таинства», а, следовательно, термин «священнослужитель» к ним не может быть применим. Исходя из подобного толкования термина, к данной категории также нельзя отнести лиц, имеющих отношение к религиозной (культовой) деятельности, но не наделенных правом самостоятельного проведения богослужений, отправления обрядов и таинств, а порой и не посвященных в духовный сан, т. е. находящихся на «вспомогательных» церковных должностях.

Некоторые религии не предполагают деления на служителей культа и прихожан. Например, в исламе служитель религиозного культа выбирается старейшинами района или населенного пункта из числа жителей и должен соответствовать нескольким требованиям: закончить медресе, уметь читать и толковать Коран на арабском языке и др., а «Свидетели Иеговы» считают служителем бога и своим представителем каждого, кто прошел обряд крещения в «Свидетели Иеговы». Очевидно, что термин «священнослужитель» в такой ситуации неприемлем. В подобных случаях речь можно вести о представителях духовенства, служителях культа или религиозных деятелях. Решение данной проблемы нам представляется в определении юридически точного понятия и объема термина «священнослужитель» с учетом

указанных противоречий либо в замене этого термина другим, более подходящим к рассматриваемой категории лиц независимо от вида конфессии.

Аналогичная ситуация наблюдается и с термином «полномочный представитель официально зарегистрированного религиозного объединения». Кто и на основании чего может быть признан таковым? Казалось бы, ответ на этот вопрос должен быть в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» — основополагающем нормативном правовом акте, непосредственно регламентирующем данную сферу социальной жизни. Однако его положения не содержат толкования указанного термина. Федеральный закон «Об общественных объединениях» также не дает толкования термину «полномочный представитель», хотя именно общественные объединения имеют большое число различных представителей. УПК РФ дает определения «законного представителя» и «представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя» в ст. 5 и 45, однако их использование в данном случае представляется невозможным, так как они соотносят это понятие исключительно с той областью правоприменения, регулировать которую призваны.

На наш взгляд, исходя из этимологического анализа термина «полномочный представитель официально зарегистрированного религиозного объединения», таковым можно считать лицо, наделенное определенными полномочиями на осуществление какой-либо деятельности от имени и в интересах этой организации. Данный вид правоотношений регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, а именно ст. 185, которая определяет письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому для представительства перед третьими лицами как доверенность и указывает порядок ее выдачи: «...доверенность от имени юридического лица выдается за подписью его руководителя или иного лица, уполномоченного на это учредительными документами, с приложением печати этой организации» [11]. То есть основным критерием, определяющим принадлежность лица к кругу полномочных представителей, является наличие у этого лица официального документа — доверенности с двумя необходимыми атрибутами: подписью

руководителя и печатью организации. Однако Кодекс не уточняет, какие именно полномочия в рамках уставной деятельности могут быть предоставлены религиозным объединением своему представителю и кто именно может являться таким представителем. Принимая во внимание, что деятельность официально зарегистрированного религиозного объединения многогранна, прямо и косвенно взаимосвязана с иными видами деятельности общества, его структурами, социальными, экономическими, финансовыми, торговыми и иными объектами, можно сделать закономерный вывод о том, что гипотетическое количество представителей этого объединения, наделенных абстрактными полномочиями, может быть неизмеримо велико. В данном случае возникает столкновение интересов, с одной стороны, законодателя, пытающегося закрепить в законе права и свободы граждан, с другой — субъектов ОРД, теряющих огромное число потенциальных конфиденентов.

Таким образом, мы полагаем, что полномочным представителем официально зарегистрированного религиозного объединения в контексте Закона об ОРД следует считать лицо исключительно из числа представителей религиозных деятелей, наделенных полномочиями действовать от имени и в интересах религиозного объединения в рамках осуществления именно религиозной и культовой деятельности. Наделение же религиозным объединением какого-либо лица определенными полномочиями на осуществление второстепенных, вспомогательных, обеспечивающих функций не должно ставить его в ранг полномочных представителей. Внесение в Закон об ОРД и ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» соответствующих изменений и дополнений, определяющих понятие и объем термина «полномочный представитель официально зарегистрированного религиозного объединения», позволило бы, на наш взгляд, предельно точно обозначить круг лиц, входящих в эту категорию, и исключить возможные коллизии в толковании и применении закона и основанных на законе положений ведомственных приказов и инструкций.

Следует уточнить, что п. 2 ст. 13 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»

однозначно определяет, что «...представительство иностранной религиозной организации не может заниматься культовой и иной религиозной деятельностью, и на него не распространяется статус религиозного объединения, установленный настоящим Федеральным законом» [8], а значит и представитель иностранной религиозной организации не может считаться полномочным представителем официально зарегистрированного религиозного объединения в контексте ст. 17 Закона об ОРД. Следовательно, на него не распространяются положения ч. 3 рассматриваемой статьи, запрещающие органам, осуществляющим ОРД, использовать конфиденциальное содействие по контракту священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. Таким образом, сотрудники оперативно-разыскных органов вправе использовать конфиденциальное содействие по контракту (сотрудничество) данной категории лиц с соблюдением требований ведомственных приказов и инструкций.

Мы считаем необходимым отметить тот факт, что обсуждаемые категории лиц — священнослужители и полномочные представители официально зарегистрированных религиозных объединений — являются специфическими в силу особого рода деятельности, в которую они вовлечены. На законодательном уровне это отражено в самостоятельном нормативно-правовом акте — законе «О свободе совести и религиозных объединениях», других федеральных законах и упоминании их в положениях Закона об ОРД. При этом на ведомственном уровне на сегодняшний день нет ни одного теоретически обоснованного, детально разработанного приказа, инструкции, наставления или методических рекомендаций, касающихся специфических особенностей организации и тактики оперативной работы с данной категорией лиц, учитывающих реалии и тенденции современных общественных отношений и требования практики. Особенно злободневно этот тезис звучит в свете недавних изменений структуры МВД и создания специализированных самостоятельных оперативных подразделений, нацеленных на противодействие экстремизму, к которому религия имеет самое непосредственное отношение.

При подведении итогов хотелось бы подчеркнуть, что устранение выявленных внутренних противоречий Закона об ОРД и приведение к единому определению используемых в законе терминов «священнослужитель» и «полномочный представитель официально зарегистрированного религиозного объединения» позволило бы исключить коллизии в юридическом толковании положений закона и максимально ясно и полно определить круг лиц, привлекаемых оперативными подразделениями к конфиденциальному содействию. На ведомственном уровне это даст возможность разработать конкретные практические рекомендации для оперативных работников, наставления и инструкции, касающиеся особенностей вовлечения в оперативно-разыскную деятельность специфических субъектов.

Список библиографических ссылок

1. Вагин О. А., Исиченко А. П., Четин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. М.: Деловой двор, 2009.
2. Фатьянов А. А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Гос-во и право. 1998. № 6.
3. Димитрова Е. А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск: СЮИ МВД России, 2004; Костылева Г. В. Методика расследования убийств, связанных с исполнением религиозного обряда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: АУ МВД России, 2004; Скворцова Т. А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2004; и др.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921; 2002. № 22. Ст. 2027; 2002. № 30. Ст. 3015.
5. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / О. А. Вагин [и др.]; вступ. ст. В. Д. Зорькина. М.: Норма, 2006. С. 307; Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. Ю. А. Агафонова, Ю. Ф. Кваши. М.: ЦОКР МВД России, 2009. С. 143; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособие. 8-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. Е. Четина. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. С. 177 и др.
6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практич. комментарий / под ред. В. В. Николюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Четина. Изд. перераб. и доп. Омск: ОЮИ МВД России. 1999. С. 151; Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Издатель Шумилова И. И., 2002. С. 195.
7. Об общественных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
8. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий / К. К. Горяинов, Ю. Ф. Кваша, К. В. Сурков. М.: Новый Юрист, 1997; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в схемах и таблицах: постатейный комментарий / М. Н. Маршунов. М.: Герда, 1998; Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие / М. П. Смирнов. М.: Экзамен, 2003; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В. В. Николюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Четина. Изд. перераб. и доп. Омск: ОЮИ МВД России. 1999; Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Издатель Шумилова И. И., 2002.
10. Атеистический словарь / под ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1985.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. М.: Юристъ, 1998.